

него необходимость, ни больше, ни меньше, как построить доктрину новой, «высшей» чѣм христианство, религии. Вопросы социальные и актуально-политические все болѣе отѣсняются в его работѣ на второе мѣсто созданиемъ метафизики и «мировъ» этой новой религии. Я не могу сейчасъ касаться философской цѣнности построений Боранецкаго. С «общественной» точки зрѣнія, важно, что в основѣ его учения лежит не христианская идея личности, а представленіе очень близкое к увлекавшему одно время Толстого индусскому учению о всеединствѣ людей, раздробленных во времени и пространствѣ на индивидуумов, но слитых во «Всемъ», в скрытой «под покрываломъ Майи» вѣвременнои и вѣпространственной сущности жизни. Только в противоположность буддизму, призывающему покинуть «актуальный планъ существованія» и уйти в созерцаніе Абсолюта, Боранецкій видит смыслъ жизни в реализаціи «потенціального онтологическаго плана бытія» в актуальномъ мірѣ, в Исторіи. При неясности ученія о личности, эта идея актуализаціи онтологическаго «единства всего во всемъ», положенная им в основаніе его замысла организаціи міра, кажется мнѣ способной привести к той же, правда расширенной до «человѣчества», философіи «мы», на которой стоит фашизмъ и націонал-соціализмъ. Правда, доктрина Боранецкаго далеко еще не закончена. Но там, гдѣ с самаго начала во главу угла не поставлена ясно и опредѣленно идея личности, гдѣ всѣ социальные и политическіе вопросы не ставятся в отношеніи к ней, мы имѣемъ право опасаться и подозрѣвать.

В. Варшавскій.

«ДНЕВНИКЪ БЕЗРАБОТНАГО ИНТЕЛЛИГЕНТА»

Новая книга Дени де Ружмона¹⁾ не принадлежит к распространенному теперь литературному роду «интимнаго монолога с упраздненіемъ конкретныхъ социальныхъ или духовныхъ условий дѣйствительнаго существованія каждаго человѣка». Главное ея содержаніе составляютъ записи впечатлѣній автора, продѣлавшаго опытъ переселенія изъ Парижа в провинцію, и «діалоговъ» с людьми изъ народа, встрѣченными в этомъ путешествіи, — вопросовъ и отвѣтовъ, приводящихъ автора къ разсужденіямъ «обо всемъ»: о кризисѣ современной культуры и социальнаго строя, о «предательствѣ клерковъ» и упадочности литературы, о

¹⁾ Denis de Rougemont, Journal d'un intellectuel en chômage.

последнем смыслѣ жизни человѣка и всей стенающей твари, ждущей, «что и сама тварь освобождена будет от рабства тлѣнію в свободу славы дѣтей Божіих».

Желая отмѣтить мѣста, казавшіяся мнѣ наиболѣе важными, я увидѣл, что мнѣ пришлось бы цитировать чуть ли не всю книгу и даже предыдущія книги Ружмона, так как все значеніе большинства этихъ разсужденій становится яснымъ только «в перспективѣ» всего его творчества. Поэтому ограничусь лишь укладывающимся в рецензію вопросомъ о пользѣ, какую можетъ принести эта книга русскому читателю. Такой утилитарный подходъ оправдывается мыслью самого автора, что книги должны быть полезны, должны давать «точные рецепты» — указанія, которыми можно воспользоваться. Одна изъ цѣлей, которыя онъ себѣ ставитъ в своемъ дневникѣ — показать на своемъ примѣрѣ, какъ интеллигентъ можетъ спастись отъ худшей несправедливости, связанной съ безработицей: отъ необходимости брать первую попавшуюся работу, хотя бы то была работа наиболѣе далекая отъ его призванія.

В чемъ этотъ секретъ? — «Во Франціи тысячи пустыхъ домов, ищите и вы найдете такой домъ за самую ничтожную плату или совѣмъ даромъ».

Но на какія средства жить, если даже найдется такой пустующій домъ? Переводами, статьями, книгами Ружмонъ продолжаетъ зарабатывать достаточно, чтобы вдвоемъ съ женою прожить не голодая в такомъ бесплатно предоставленномъ домѣ.

Для огромнаго большинства эмигрантовъ-интеллигентовъ все это неосуществимо: у нихъ нѣтъ ни друзей, имѣющихъ в провинціи пустые дома, ни возможности, сидя в такомъ домѣ, перебиваться литературнымъ трудомъ. Но значитъ ли это, что книга Ружмона перестаетъ быть полезной для русскаго читателя?

Конечно, изолированность русскаго эмигранта гораздо страшнѣе и губительнѣе, чѣмъ одиночество, которое испытываетъ Ружмонъ в провинціи. И все-таки примѣръ душевнаго строя, дающаго ему силы чувствовать себя счастливымъ при самыхъ скромныхъ матеріальныхъ условіяхъ, в «необитаемой» провинціи, безъ постоянного заработка, безъ близкихъ друзей, можетъ и эмигранту помочь бороться съ отчаяніемъ, охватывающимъ отъ признанія своего одиночества, отсутствія «настоящей» жизни, небезопасности своего существованія.

По нѣкоторымъ косвеннымъ замѣчаніямъ автора можно почувствовать, на чемъ основанъ этотъ душевный строй. Такъ в одномъ мѣстѣ онъ пишетъ: «Духъ бѣдности доступенъ только тѣмъ, кто способенъ вѣрить во что-то иное, кромѣ одной своей жизни, своихъ успѣховъ, удобствъ, положенія в обществѣ и даже своей духовной цѣнности». Или, напримеръ, сравнивая французское слово «communіонъ» съ нѣмецкимъ «Gottgemeinschaft», онъ замѣчаетъ: «Тотъ, кто предстоитъ передъ Богомъ, одинокъ. Но какъ только онъ вступаетъ в это строго-личное общеніе со-

своим Богом, он сейчас же оказывается связанным с людьми цѣлью ответственности. Отдѣлившись от міра, он возвращается в него совершенно по-иному, не для того, чтобы терпѣть его, а для того, чтобы сотрудничать в дѣлѣ его преображенія».

Конечно, людям, с подозрительностью относящимся к возможности такого мистическаго опыта, слова эти могут показаться несоответствующими ничему реальному. Но это не имѣет значенія. Независимо от того, откуда она берется, заражает сама вѣра автора в человѣческое дѣйствіе, вѣра, опредѣляющая все его отношеніе к жизни и в частности его пониманіе задач литературы как творчества, направляемаго не стремленіем «изготавливать предметы искусства», а «волей узнать мір, чтобы его измѣнить, узнать его настолько, чтобы наше дѣйствіе могло измѣнить судьбу его жертв, каковыми мы сами являемся».

Именно эта вѣра в творческое дѣйствіе и связанное с этим безстрашіе и спокойствіе (могущее быть только у дѣйствующаго чловека реальное ощущеніе значенія слов «довлѣет днєви злоба его») придают книгѣ Ружмона ту атмосферу подлиннаго моральнаго здоровья, котораго так мало в современной литературѣ, и которое так необходимо многим эмигрантским литераторам, захлебнувшимся в «глобовокруженіи пустоты».

Но еще большую духовную помощь, эта книга может принести людям новых эмигрантских поколѣній, близким к так называемым революціонным теченіям. Эти теченія, несомнѣнно, составляют наиболѣе живой и творческой сектор эмигрантской общественности. Но он постоянно обламывается по краям: отдѣльные люди и цѣлыя группы срываются в фашизм и смѣновѣховство. Не говоря уже о том, что вообще почти вся эмигрантская молодежь проникнута духом фашизма во всѣх его оттѣнках, начиная с про-совѣтскаго и кончая обыкновенным черносотенством, слегка подмалеванным под стиль вѣка.

Всѣм этим эмигрантским молодым людям было бы дѣйствительно полезно прочесть дневник Ружмона.

Вот вкратцѣ выводы, к которым он приходит в результатѣ опыта жизни в провинціи, сначала на маленьком островѣ в океанѣ у берегов Ванден, потом на югѣ в департаментѣ Гард:

«Здѣсь мертво — фраза, которую услышишь повсюду в провинціи. Всюду апатія, инертность. Здѣсь люди еле живут, они только прозябают. Каждый за себя на своем клочкѣ бесплодной земли. Сколько опустѣвших областей, оставленных деревень, невспаханых полей, разоренных сельских хозяев и, главное, чувство скуки, оторванности от всего міра. В провинціи нѣтъ больше жизни, инициативы, настоящей радости. Понятно, что молодежь бросает землю и уходит в города.

Гдѣ люди, могущіе спасти край от полнаго умиранія, к которому его привели ставленники Бюиссона, крупные собственники и оплот

капитализма — всё эти живущие на пенсию радикалы и социалисты? Какія силы подымаются против этого распада жизни, происходящего по винѣ либеральной системы, не умѣвшей организовать во время то, что должно быть организовано?

Вот разсужденіе «фашиста» или ученика Ленина: народ не знает, в чем его интересы, и как их нужно защищать. Распросите человѣка из народа о причинах кризиса, от котораго он страдает, и какія мѣры оздоровленія ему представляются необходимыми, он вам отвѣтит абстрактными газетными клише.

Отсюда вывод: нужно помочь народу, не спрашивая его мнѣнія. Только Вождь или единственная партія могут навязать этому подавленному народу новый политическій порядок, который ему позволит подняться, работать, плодиться.

Этому выводу автор противопоставляет разсужденіе персоналиста. На первый взгляд, дѣйствительно кажется, что народ ничего не знает о своих настоящих интересах. Но это оттого, что он не умѣет их выразить. Это правда, что на собраніях вы услышите только общія мѣста, взятая из газет. Но нужно послушать, что говорят люди из народа, каждый в отдѣльности, в конкретных условіях их жизни и работы. Сумѣйте заставить их разговориться, и вы услышите много разумнаго, жизненнаго, реальнаго, что может опрокинуть предыдущія циническія заключенія. Всё их пожеланія идут в направлеціи реформ, предлагаемых персоналистами: самоуправленіе, солидаризм, мѣстные синдикаты, развитіе освободительной техники, спорта, образованія, средств сообщенія.

Вывод: «экипаж» молодых, новых людей, вышедших из всѣх классов общества, надлежит высказать то, о чем молчат газеты, ораторы, плакаты, то-есть дѣйствительную волю трудящихся, искаженную политиканским жаргоном.

Диктатура --- единственное рѣшеніе тѣх, кто отказывается воспитать народ. Диктатура или воспитаніе? вот вопрос XX вѣка. Диктатура очень слаба. У нея есть только один сильный аргумент против нас: на кого и на что вы ставите, на какой класс, на какіе интересы? --- Мы ставим на усиліе людей наиболѣе человѣчных. — Это не много, скажете вы. — Но только это истинно».

Это напоминаніе о человѣчности, может-быть, заставит молодых эмигрантов, соблазняющихся строительством культуры и социальнаго строя средствами, примѣняемыми совѣтским или гитлеровским режимом, задуматься о том, почему, несмотря на всё их огромныя достиженія торжество тоталитарных государств готовит человѣчеству небывалую еще в исторіи духовную катастрофу.

Я не могу здѣсь останавливаться на ученіи о личности, из котораго исходят в своих реформаторских замыслах персоналисты. Это ученіе, сближающее идею личности с евангельской идеей ближняго, знакомо русским читателям по статьям и книгам одного из главных

его основоположников — Бердяева. «Персонализм» определяет всю «точку зрѣнія» Дени де Ружмона не только как социального философа, но и как писателя-художника. Читая его описанія встрѣч с людьми из народа, убѣждаешься, что это не только эффектная фраза, когда он пишет в кафе у порт д-Итали: «Смотрю на этих людей в кепках и на их жен. Можно сказать: это рабочіе и мѣщане. Одежда, язык, психологія их классов. Но можно сказать и так: это люди, за которых умер Христос».

В. Варшавскій.

ИСКАНІЯ МЛАДОРОССОВ

Перед нами второй выпуск «Русскаго Временника» (Париж 1938), изданія группы молодежи, отколовшейся от Союза Младороссов. Среди разнообразных «пореволюціонных» теченій новый журнал пріятно удивляет, как свѣжестью мысли, дѣйствительным духом исканій, так и направлением, в котором эти исканія ведутся. Удѣя «Русскаго Временника», называющаго себя «органом революціонной монархической мысли», вѣрность религіозной и національной традиціи Россіи соединяется с серьезным, и не только словесным устремлением к идеалам русской интеллигенціи: свободѣ, демократіи и даже социализму. Синтез такого размаха, конечно, дѣло не легкой, и авторы подчас довольно далеко расходятся в постановкѣ новых вѣх. Но общій дух, их одушевляющій, настолько близок к «Новому Граду», что, несмотря на чуждую нам монархическую мистику, мы готовы видѣть в группѣ «Русскаго Временника» своих ближайших друзей.

Дружба, как и вражда, обязывает к откровенности. И мы, признавая цѣнность многих формулировок и характеристик (среди авторов есть люди, бесспорно, талантливые), обязаны указать и пункты расхожденія — или дать сигнал об опасностях.

Опасные пункты лежат на обоих крайних флангах молодой группы: на том флангѣ, который можно было бы назвать правым или националистическим, и на лѣвом, или либеральном. Правый фланг представлен двумя Попандонуло (С. и В.). Они оба проникнуты тѣм лафосом, я бы сказал той мистикой, которая средни позднему славянофильству эпохи Александра III. Ближе всего они по духу к Л. Тихомирову, общему учителю современного монархизма. В своих «Мыслях Русскаго Монархиста», В. Попандонуло исходит из идеи «всеобщаго духовнаго единства», как цѣли всякаго общества и культуры. Понимая это единство не как предѣльный идеал, а как конкрет-